

Юлия Басова

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В
ВЕБКАМ**

18+

Юлия Басова

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕБКАМ

<https://litres.ru/74488488>

SelfPub; 2026

Аннотация

С самого детства Джулию приучали быть «контейнером» для чужой злости. Жестокие побои матери, садизм нянечки и школьный буллинг оставили на ней стойкое ощущение внешней грязи, от которой невозможно отмыться. Школьный психолог вынес ей приговор: «Вырастешь — станешь проституткой». А токсичные мужчины лишь методично вытирали об неё ноги.

Сбежав из дома на Газели вместе с любимым котом Кассио, Джулия в отчаянии ищет любую работу и попадает в вебкам-студию. Но презируемое обществом место неожиданно становится для нее первым безопасным куполом. Включив свой аналитический мозг, Джулия создает виртуальное имя Элис и быстро выходит в топ.

Ей предстоит пройти через грязный треш увольнения, угрозы бывших боссов и тотальное истощение, чтобы стать «сердцем» новой студии — светлой Крестной Феей для других девчонок. И открыть в себе могущественный родовой дар программировать пространство под свои желания.

Юлия Басова

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕБКАМ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕБКАМ

(Основано на реальных событиях с элементами магического реализма)

Эпиграф

«Ты чертовски умная женщина, Элис. Ты лучше всех на этом сайте знаешь, когда нужно сказать простое "Hi!", а когда — властное "Fuck me!"»

— Из чата с влюбленным мембером

Введение. Стерильные пощечины

В детстве я думала, что грязь можно просто смыть водой. Стоять под душем часами, тереть кожу мочалкой до пунцовых разводов, пока не покажется, что ты наконец-то чистая. Но мир вокруг с завидным упорством доказывал мне обратное: некоторая грязь въедается прямо под кожу, в самую душу, и вода против нее бессильна.

Мое ощущение этой липкой внешней грязи началось ровно в четыре года. Детский сад, тарелка со склизкой тушеной капустой, от запаха которой меня мгновенно стошнило. Нянечка - грузная женщина с застывшей маской ненависти ко всему живому — не поленилась подойти. С мерзкой, садист-

ской ухмылкой она ложкой перемешала мою рвоту с остатками еды и попыталась силой запихать это мне в рот. Мир вокруг довольно хохотал, пока меня выворачивало наизнанку. Тогда я впервые поняла: взрослые — это не про безопасность. Взрослые — это те, кто бьет сильнее всех, потому что они больше.

Моя мать, Агнесса, закрепила этот урок. Она растила меня одна и искренне, люто ненавидела меня за то, что я была как две капли воды похожа на отца, который ее бросил. Причина их расставания навсегда осталась для меня загадкой, но мать решила отыгаться на мне по полной программе. Она превратила меня в удобный контейнер для своего эмоционального мусора. И в грушу для битья. Жестокого, беспощадного, системного битья.

Мама панически боялась общественного порицания. Ей нужны были идеальные, стерильные картинки. От меня требовали только круглых пятерок. Мы сидели над уроками до глубокой ночи, и Агнесса остервенело выдирала страницы из моих тетрадей при малейшей ошибке или пометке. Пятерки — это, конечно, было круто. Но это были не мои оценки. Это были выстраданные моими слезами и синяками пятерки моей матери. И при этом она не стеснялась регулярно приходить в школу и перед всем классом позорно жаловаться учительнице, какая я «дрянь, плохо себя веду и не хочу делать уроки».

В старших классах природа сыграла со мной злую шутку —

я расцвела и стала одной из самых красивых девушек в школе. Девочки возненавидели меня за это мгновенно, превратив мою жизнь в ежедневный буллинг. А мальчики... мальчики просто не умели справляться с отказами. Стоило мне сказать твердое «нет», как они начинали распускать за спиной грязные слухи, называя меня шлюхой. Моя классная руководительница, которая — вот же абсурд! — работала школьным психологом, однажды вызвала меня на ковер и заявила прямо в лицо: *«Будешь плохо учиться — вырастешь и станешь проституткой. Будешь спать со старыми слюнявыми дедами, а не молодыми красавцами»*. Она буквально вынесла мне приговор.

Мать меня не защитила. Ей было плевать на мою боль, она беспокоилась только о том, что я «ее похороню» своим позором, и требовала, чтобы я «выпрыгнула из штанов», но сделала так, чтобы все замолчали. Но как остановить травлю, если ты не сделала ничего, чтобы она началась?

Я ушла из дома, как только смогла. Я бросила всё: банк, куда меня со скандалом пристроила мать и где на меня ежедневно орали; подработку в типографии; экономический институт, который из-за тяжелой депрессии и вечной сонливости я просто физически не могла больше тянуть. Сил не было. Ресурс был на нуле.

Я сидела в пустой съемной комнате, обнимая колени, и внутри меня кричал один-единственный мысленный призыв: *«Мне нужна любая работа. Разом. Прямо сейчас. Что-*

бы просто выжить».

Экран телефона мигнул. В мессенджер пришло сообщение от незнакомого менеджера с предложением высокооплачиваемой работы в интернете. Это было пугающе, но отчаяние оказалось сильнее страха. Я поднялась на ноги, подошла к зеркалу и сказала себе свой главный манифест свободы: *«У меня есть ноги. И если что-то пойдет не так, я всегда могу уйти».*

Я открыла дверь вебкам-студии, еще не зная, что именно это презируемое обществом место станет моим первым безопасным куполом. Местом, где меня никто не ударит. Где я создам себе имя Элис, подчиню теневой интернет своему сильному, аналитическому мозгу и постепенно открою в себе могущественную, древнюю силу своего рода, способную программировать реальность под свои желания.

Я сделала глубокий вдох и перешагнула порог.
Добро пожаловать в вебкам.

Глава 1. Свобода на пенке для йоги

Спина затекла так, словно по ней всю ночь топтался тот самый серебристый британский кот, который сейчас мирно сопел у меня под боком. Я открыла глаза и уставилась в чужой, незнакомый потолок. Вокруг пахло остывшим чаем, жареным луком и уютом. Чужая кухня. Полночь.

Я лежала на полу, на тонкой резиновой пенке для йоги, поджав колени к груди. Мои вещи сиротливо громоздились

в углу в пластиковых мешках, которые мы вчера в спешке закидывали в вызванную наперерез судьбе Газель. Наверное, со стороны это выглядело как катастрофа. Двадцать с небольшим лет, ни кола ни двора, экономический институт брошен, нормальная работа в банке — к черту, в кармане копейки от нового админского проекта друзей, а спишь на полу у знакомых, которые из жалости пустили пожить на неделю.

Но я посмотрела на Кассио, который сладко потянулся и ткнулся своим прохладным пушистым носом мне в подбородок, и впервые за долгие годы... улыбнулась. По-настоящему. Не той дежурной «анимешной» улыбкой, которой я научилась прикрывать свою тяжелую депрессию, а чистой, звенящей радостью.

Я была абсолютно, оглушительно счастлива.

Потому что в этой комнате не было его. Не было Вэнса. Больше никто не закроет меня дома на ключ, уйдя на пьянку. Никто не швырнет мне в лицо кроссовки или тяжелые ботинки, от которых до сих пор ныли виски. Никто не будет дергать за волосы, разевать свой поганый рот и выливать на меня ушаты словесной помойки, называя «шлюхой» и «тварью». И главное — никто не будет грязно намекать на кекс, требуя сексуального обслуживания по всем фронтам, когда у меня после двенадцатичасовой смены голова раскалывается так, что хочется просто умереть.

Мой ресурс выгорел дотла, но я выжила. Я притворилась, что мы помирились, усыпила его бдительность, дождалась,

пока он уйдет, и сбежала, забрав кота и его любимый влажный корм.

Я еще не знала, что ровно через неделю мир восстановит справедливость. Что Вэнса с треском выпрут с работы, что он не выдержит испытания деньгами, которые шли в его жизнь только благодаря моему энергетическому щиту, и полетит с горы так стремительно, что ему придется продать машину. Без меня его фальшивая рок-группа и его поганый язык окажутся на дне. Падать оттуда ему будет чертовски больно. Но это будет потом.

А пока я лежала на полу и вспоминала, как докатилась до этой кухни.

Ведь весь мир с самого детства упорно пытался убедить меня в том, что я — грязь. Моя мать, Агнесса, растила меня одна. Я была до ужаса похожа на отца, который ее бросил, и мать просто сделала из меня контейнер для своей обиды и злости. Она превратила меня в грушу для жестокого, беспощадного битья.

Мое ощущение внешней грязи, от которой хотелось мыться часами, началось еще в четыре года. Детский сад. Нас кормили тушеной капустой, и меня стошнило прямо в тарелку. Жестокая нянечка, ненавидевшая детей, с мерзкой ухмылкой перемешала рвоту с остатками еды и силой пыталась запихать это мне в рот. Меня выворачивало наизнанку, а мир вокруг довольно хохотал.

Потом была школа. Мать требовала только пятерок. Мы

сидели над домашкой до глубокой ночи, Агнесса орала и выдирала страницы из тетрадей при малейшей пометке. Это были не мои оценки. Это были стерильные, выстрадавшие побои пятёрки моей матери, которая панически боялась общественного порицания. И при этом она не стеснялась приходить в школу и перед всем классом позорно жаловаться учительнице, что я «плохо себя веду и не хочу учиться».

В старших классах начался буллинг. Природа наградила меня яркой, красивой внешностью, и девочки возненавидели меня за это мгновенно. А мальчики... мальчики не прощали отказов. Стоило мне сказать «нет», как они начинали трепаться за спиной, называя шлюхой. Классная руководительница, которая — вот же ирония! — была школьным психологом, однажды вызвала меня и заявила в лицо: *«Будешь плохо учиться — вырастешь и станешь проституткой. Будешь спать со старыми слюнявыми дедами, а не молодыми красавцами»*.

Мать меня не защитила. Она встала на их сторону. Она требовала, чтобы я «выпрыгнула из штанов», сделала хоть что-то, чтобы травля прекратилась. Но как остановить то, для чего ты не сделала ровным счетом ничего?

Я выросла со стойким чувством, что я испачкана этим миром. Оливер, мой парень из колледжа, который красиво гадал по рукам и рассуждал об эзотерике, лишь довершил разгром. Он заставил меня поверить, что я толстая и уродливая, заставил морить себя голодом, растоптал мое либидо и

превратил интим в пытку и обязанность. А потом появился Вэнс со своим телевизором, перегаром и летящими в голову ботинками.

Я погладила Кассио по серебристой шерстке. Он тихо замурчал в темноте чужой кухни.

— Ничего, Касиль, — прошептал я в темноту. — Мы прорвемся. У меня есть ноги. И если что-то снова пойдет не так, мы всегда сможем уйти.

Я закрыла глаза. Спать на пенке для йоги было жестко, но это была самая чистая и безопасная постель в моей жизни. Завтра мне предстояло вернуться в розовую комнату вебкам-студии, сесть перед камерой, нарядиться, наклеить длинные ресницы и включить свой сильный, аналитический мозг, чтобы превратить чужую грязь в свои первые честные деньги.

Индустрия, которую все считали порочной, ждала меня. И я была готова сказать этому миру: «Добро пожаловать в вебкам».

Глава 2. Микрофон из розового кварца

Мой первый шаг за порог вебкам-студии был сделан на ватных ногах. В голове набатом звенели слова школьного психолога про «панель и слюнявых дедов», а перед глазами стоял образ грязного притона из криминальных сериалов. Но когда администратор — милая, улыбчивая девушка — открыла дверь, у меня случился когнитивный диссонанс.

Внутри пахло ванилью, дорогим парфюмом и свежесваренным кофе. Никаких нимфоманок в латексе здесь не было. По коридорам ходили абсолютно обычные, интеллигентные девушки в обычной одежде(джинсы и кофта). Чуть позже я узнала, что большинство из них — это умные студентки из хороших, хоть и не идеальных семей. У многих родители работали в госструктурах — прямо как у меня. Были девчонки-юристы, адвокаты и даже одна девушка-прокурор, которая пришла временно подработать, чтобы закрыть кредиты. Были даже преподавательницы из школ и вузов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.